

Глава 13

К взаимовыгодному партнерству

В предыдущей главе, размышляя о причинах и следствиях пережитого вместе со страной, я затронул и внешнеэкономические проблемы. Чувствую, однако, что они требуют специального разговора.

Ни одна страна в современном мире не может не дополнять свое народное хозяйство внешнеэкономическими связями. Точнее говоря, народное хозяйство любой страны имеет в качестве своей неотъемлемой составной эти связи. Не понимать этой азбучной истины — значит быть не только узколобым экономистом, но и политическим изоляционистом. Нормальные экономические отношения во многом предотвращают военные столкновения между странами, сближают их интересы.

Кто торгует, тот не воюет. Я уж и не помню, откуда взял эту поговорку. Да какая, в сущности, разница — откуда? Главное, что она верна. Кто умеет и любит торговать, кому есть, чем торговать, у кого есть, на что покупать, кто торгует по-умному, честно и цивилизованно, тому просто-напросто незачем и некогда думать о войне, о борьбе, вообще о какой-либо вражде. Я всегда внимательно следил за эволюцией интеграции стран Западной Европы с их Общим рынком, год от года сближающим государства, людей разного подданства и разных национальностей. Они по-деловому строят общеевропейский дом. Сначала — экономический, а затем и политический. В нем предстоит жить не только им самим, но, главное, их детям и внукам. Строят именно на прочной экономической основе.

Вместе со многими миллионами людей мечтаю, чтобы народы образованных на еще дымящихся развалинах Союза независимых государств тоже быстрее прозрели и начали бы строить свой общий дом. Сначала экономический, а

затем и политический. Уже больно нецивилизованно мы разводимся — с угрозами, с непримиримостью, с амбициозными требованиями друг к другу, а кое-где и со стрельбой. И сколько он продлится, этот процесс размежевания, сколько мы еще будем тешиться обретенной независимостью, которая сама по себе никого не накормит и не оденет? Слишком прочны наши многовековые хозяйственные, культурные и просто человеческие связи. Огромный и, убежден, в целом глубоко позитивный вклад в процесс укрепления этого исторически сложившегося единения внесла послереволюционная практика. В ней, к сожалению, были и крупные промахи, недостатки, которыми и воспользовались зарубежные и наши «собственные» могильщики великой страны, но и при этом вряд ли любой объективный наблюдатель станет отрицать, что дружба народов (подчеркиваю — именно народов) стала одним из самых мощных факторов силы советского общества. И недаром именно на ее разрушение были направлены главные многолетние усилия тех, кто ставил своей задачей уничтожение ненавистного им Союза Советских Социалистических Республик.

Впрочем, вернемся к экономике. Так вот, слишком крепко повязаны мы, все бывшие республики Союза, экономическими нитями, чтобы выжить поодиночке. Только вместе — это, на мой взгляд, аксиома. И только объединившись, мы будем надежными, долговременными, солидными партнерами, интересными на общеевропейском да и на мировом рынке. Только вместе мы сможем активно, широко и с выгодой для себя включиться в мировые хозяйственные связи. Только вместе мы можем и защитить свои интересы от экономической экспансии наших новых друзей — в кавычках и без них. А что такая экспансия будет нарастать, я твердо убежден. Уже сейчас это ясно видно.

Весь наш послевоенный хозяйственный опыт привел к неопровержимому выводу: экономическая самоизоляция, как и изоляция внешняя, работа почти исключительно на «свой», замкнутый рынок неизбежно подрывает научно-технические, производственные и даже политические позиции страны, избравшей такой путь.

Могло ли быть иначе? Могло, конечно. Но мы сами пестовали блоковость развития хозяйства, которой сегодня, как известно, не существует, и наша экономика от этого не выиграла. Впрочем, то же можно сказать и о хозяйстве наших тогдашних противников из противоположного блока. Никому не выгодно существование резко обособленных,

недостаточно тесно взаимодействующих друг с другом мировых рынков. Деление по политическим мотивам хозяйству не на пользу. Кстати, когда те же американцы, тоже весьма склонные к политическим играм, переносят их в область мировых хозяйственных связей, то и их экономика в принципе больше теряет, чем приобретает. Да, не только внутри страны, но и в ее внешних хозяйственных связях политика слишком часто вместо того, чтобы выражать экономические интересы, работает против них.

Конечно, все эти рассуждения о необходимости и неизбежности активного участия каждой страны в международном разделении труда будут справедливы лишь в том случае, если ее включение в мировую экономику будет равноправным и взаимовыгодным. Ведь во внешней политике, в том числе и экономической, должны преследоваться национальные интересы. Любое государство заинтересовано в обеспечении благоприятных внешних условий для своего внутреннего развития.

Полагаю, что в то время, когда Западная Европа была и экономически, и политически слабой, а СССР после войны имел огромный, всемирный авторитет, вопрос о равноправных экономических отношениях мог быть решен не в ущерб для нашей страны. Очевидно, однако, что начавшаяся вскоре «холодная война», включая войну идеологий, сделала такой вариант нереальным.

Долгие десятилетия «холодной войны» показали, что противоречия между двумя мирами выходили далеко за чисто идеологические рамки. Идеология была здесь лишь ширмой. Фактически сталкивались главным образом геополитические интересы двух военно-политических блоков. Их противоречия ярко проявились, в частности, в дискриминации Советского Союза и его союзников в экономической сфере, в торговле, в научно-технических областях, в попытках установления контроля над этими странами.

Но несмотря на все препоны наша, отечественная внешняя торговля хотя и не слишком быстро, но развивалась, и с 70-го по 85 год выросла примерно в шесть раз. Другое дело, что в эту цифру входит в основном торговля со странами социалистического блока, больше напоминающая бартерный обмен, чем собственно торговлю. Но и на капиталистический рынок удавалось прорываться, хотя и узким спектром товаров, — я писал об этом в предыдущей главе.

В конце 80-х годов СССР производил 14 процентов всего мирового продукта, а наша доля в глобальном товарном

экспорте составляла лишь 4 процента. В то же время все развивающиеся страны производили те же 14 процентов мирового продукта, но их доля в экспорте составляла 20 процентов. У меня лично эти цифры вызвали глубокую неудовлетворенность положением нашей страны в системе мирового хозяйства.

Мы шли к рынку не так быстро, как хотелось бы, но шли. Рыночная экономика в отдельно взятой стране может существовать лишь как составная часть мировой рыночной экономики. Это не я придумал. Это Маркс сказал. Именно задача ускорить научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие страны подтолкнула нас к реформе внешнеэкономических связей. Но успели мы сделать в этом направлении мало.

И, тем не менее, кое-что успели. Нами был заложен фундамент новых внешнеэкономических отношений. Именно здесь, в этой сфере, и появились первые ростки рыночной экономики. Я имею в виду нормальные отношения, а не постоянное выпрашивание милостыни, в чем наши нынешние власти до неприличия активны. И не разгул во внешней торговле, обильно одобренный криминальными действиями, когда вывозится все, что плохо лежит в государстве, но особенно то, что лежит хорошо — в недрах, прежде всего. Идет экспортный бум при катастрофическом спаде производства.

В числе первых проблем, вставших перед нами в самом начале перестройки системы внешнеэкономических связей как составной части всей экономической реформы, оказалась одна, наиболее явная: монополия внешней торговли. Эта монополия, по моему разумению, — результат давнего, еще в 20-х годах происходившего спора между ее сторонниками, которых представляли Ленин и Красин, и теми, кто предлагал дать производителю возможность самому продавать свою продукцию. Эту сторону представлял Бухарин. Кто в споре победил — известно.

В наших невзгодах в области внешне-экономических связей я не собираюсь обвинять Ленина. Он принимал это решение в свое время, в той реальной исторической обстановке. Абсурдно было бы предлагать демократизацию внешнеэкономической деятельности и в предвоенные годы, в войну или послевоенные восстановительные годы. Тогда нужна была исключительная централизация, в том числе и в области внешней торговли. Кстати, именно так и было в это время в Англии, США.

Я говорю о другом времени, о 60—80-х годах, когда и экономическая, и политическая обстановка позволяла дать свободу производителям в этой сфере деятельности. Но традиция явно довлела над целесообразностью.

Все экспортно-импортные операции многие десятилетия проводились только через могущественное Министерство внешней торговли и его дочерние объединения. Экспорт-импорт были жестко связаны с общей плановой системой, все заранее расписывалось и распределялось. Было известно, сколько нефти, карбамида или, скажем, тяжелых экскаваторов поставляют страна и даже каждое предприятие в данном году за рубеж, а вот что они за это получают, знал более или менее достоверно лишь главный монополист — государство в лице его внешнеэкономического ведомства. Вот и выходило, что сами производители продукции отнюдь не были заинтересованы в ее экспорте.

Я это по себе знаю, по работе на Уралмаше. Надбавки к продажной цене за экспортное изделие давались минимальные, а качество требовалось куда более высокое, чем для внутрисоюзных поставок. Это, кстати, еще один нелепый парадокс нашей системы — понятие «экспортная продукция». Мол, для нас можно похуже, а для зарубежных партнеров — уж расстараясь. И ведь старались! Мне начальники цехов не раз жаловались:

— Николай Иванович, давайте откажемся от экспорта. Ведь мука же, а не работа! Каждую гайку покрась, каждый шпилнт продрай...

Я возражал:

— Не будь экспорта, вы б совсем захалтурились. Он вас в более-менее боевой форме держит. А то будете сидеть в загнившем болоте.

И впрямь он помогал держать предприятия в форме. Дисциплинировал и рабочих, и производство в целом. При отсутствии на внутреннем рынке конкуренции экспортная продукция худо-бедно поддерживала уровень производства. И только. Другой выгоды от нее я, директор завода, не видел. Валюту за проданные изделия, за экскаваторы, например, получало то же Министерство внешней торговли. А завод-производитель ходил и кланчил валюту на покупку, например, необходимого для него оборудования. Хорошо, если давали малость, а могли и послать подальше.

Иными словами, от экспорта производственники бежали, а к импорту обеими руками тянулись. Выпрашивали, вымаливали ими же, по сути, заработанное. Но побеждал в

этом не тот, кто дал стране больше, а тот, у кого было больше пробивной силы, глотка здоровее. Я даже термин в свое время придумал — «горловая экономика». Зачастую слепая вера в неограниченные преимущества импортной продукции господствовала во всех звеньях народного хозяйства. А ее обратной стороной было пренебрежение отечественной продукцией, нежелание, а нередко и вытекавшее отсюда неумение заниматься ее совершенствованием. Все это, вместе взятое, напоминало какую-то болезнь. И недавно умерший академик Анатолий Петрович Александров метко окрестил эту болезнь «импортной чумой».

Я как-то спросил Президента Финляндии Мауно Койвисто:

— Почему ваши фирмы мало покупают нашу продукцию?

— Их право, — лаконично ответил Президент. — Я с ними ничего поделать не могу. При всем желании помочь вам. Предложить им продать их товар — это нарасхват. Заставить купить чужой — невозможно.

Я несвесело усмехнулся:

— У нас все наоборот...

В очередной раз позвольте сделать отступление — оно будет касаться моих зарубежных поездок. Глава Правительства по своему положению обязан принимать своих иностранных коллег и по их приглашению посещать другие государства с официальными или рабочими визитами. Подготовка к этим поездкам проводилась заблаговременно. Через МИД согласовывались программа пребывания, основной перечень вопросов, подлежащих обсуждению, и документов для подписания. Конечно, охватить все заранее было невозможно, поэтому необходимо было тщательно готовиться в целом по проблемам, связанным с нашими взаимоотношениями с данной страной.

Ранее уже было сказано, что внешнеполитические вопросы были сконцентрированы у Генсека. Горбачев и его ближайшие советники очень быстро определили и географию визитов: монополией Генсека стали такие страны, как США, ФРГ, Англия, Франция, Италия, Япония. Эти страны с удовольствием посещали Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев. Мне же были «отведены» такие страны, как Финляндия, Швеция, Норвегия, Австрия, Индия, Австралия, Таиланд, и, естественно, государства социалистического содружества. Во время встречи с главами их правительств обсуждались и политические, а в большей степени — экономические вопросы. Со многими моими коллегами у меня установились хорошие личные отношения: с Ф. Враницким, Х. Брундт-

ланд, И. Карлссоном, К. Сорсой. И эти добрые личные отношения в немалой степени способствовали соблюдению государственных интересов как нашей, так и других стран.

Мне особенно нравилась многоликая и многоцветная Индия, страна контрастов и неожиданностей. Сразу же после первой встречи у нас установились самые добрые личные отношения с впоследствии трагически погибшим Радживом Ганди и его супругой Соней. В этой стране я познакомился и с интереснейшими людьми — ныне покойными Святославом Николаевичем Рерихом и его женой Девикой.

И все же я был, конечно, в основном руководителем для «внутреннего применения». Моя главная деятельность сосредоточивалась в Москве и в регионах страны. Тем более что заграничные поездки требовали особенно много времени на их подготовку и проведение. Впрочем, и по собственной стране, как говорится, с бухты-барахты, без подготовки не поедешь. Ну, а о том, что порой при этом возникает, можно судить по такому примеру.

В силу моей огромной занятости внутренними проблемами длительное время откладывался визит в Австралию, Таиланд и Сингапур. Там уже возникло определенное непонимание по поводу неоднократного переноса сроков поездки, делались далеко идущие обобщения не в нашу пользу. Перед этой поездкой в феврале 90 года я решил посетить Воркуту, где в 89 году было сильное забастовочное движение. Надо было своими глазами посмотреть, как выполняются принятые Правительством решения. И вот при переезде с одной шахты на другую нас на дороге в тундре застала страшная пурга со шквальным ветром и сильным морозом.

Шесть часов мы были в этой ловушке. Не приспособленные к такому климату два львовских автобуса, легкая одежда, на глазах покрывающийся инеем салон создавали не очень радужное настроение. И вдруг в полной темноте нас нашел чумазый водитель гусеничного вездехода: «Где здесь находится московская комиссия?» Он нас и вывез в город. И никто из этого не устраивал «шоу» наподобие того, когда на телевидение вытянули растерянного отставника, который имел несчастье своим «жигуленком» стукнуть машину Ельцина.

Через сутки я улетел в Таиланд. Из температуры минус сорок градусов я попал в жару плюс сорок. И сразу же заработал примерно столько же. Не хотелось двигаться,

только лежать, лежать. Но надо было работать — вести переговоры, выступать на официальных обедах, проводить пресс-конференции, а с целью экономии времени спать в самолете при перелете из одной страны в другую. Хорошее или плохое у тебя самочувствие, не надо забывать, что ты представляешь свою страну, и во многом именно по твоему поведению судят о ней. Еще есть магическое слово «протокол». Уж он-то точно является командно-административным органом: командует и президентами, и премьерами, и многими другими официальными лицами. Но и без него никак нельзя. Впрочем, опыт государственных визитов нашего Президента показал, что нынче и протокол не помеха куражу и «ндраву», даже если это унижает народ и страну, которые ты представляешь, и тех, кто тебя принимает. Воистину, глупости, в том числе «руководящей», границ нет.

Случались в моих поездках и забавные курьезы. По установленному этикету, премьер встречает своего коллегу и постоянно общается с ним, независимо от того, мужчина это или женщина. Если, скажем, премьер другой страны приезжает с супругой, моя жена должна ее встречать, сопровождать и оказывать всяческие знаки внимания. А как поступать с супругами женщин-премьеров, например, М. Тэтчер и Х. Брундтланд? Ну, что ж, протокол есть протокол, и в Норвегии, например, Людмилу Сергеевну сопровождал супруг госпожи премьер-министра.

В этой книге я не случайно уже несколько раз упоминал бывшего премьер-министра Великобритании М. Тэтчер. У меня сложились с ней хорошие деловые отношения. Я ценил ее ум и напористость при обсуждении политических и экономических вопросов. И как же я был удивлен, когда несколько месяцев назад узнал от венгерского журналиста, что в своих мемуарах она написала о сносшибательном факте: при встрече с премьер-министром Венгрии тот показал стоящую в его кабинете статуэтку (каслинское чугунное литье) и сообщил, что ее подарил Н. Рыжков бывшему премьеру М. Немету, но в эту вещь было якобы вмонтировано подслушивающее устройство. Я был огорчен тем, что погоня за дешевыми сенсациями не обошла и ее.

Кстати, о подарках. По издревле установленной традиции при официальных визитах стороны обменивались подарками-сувенирами. У нас в стране не был установлен порядок вручения и принятия их. Каждый поступал по своей совести. Все полученные мной ценные подарки передавались через

Хозяйственное управление Совета Министров в Государственное хранилище ценностей, а многие — в детские дома страны.

В заграничные официальные поездки, по существующему международному этикету, меня приглашали с супругой. Людмила Сергеевна тоже тщательно готовилась к этим поездкам и очень помогала мне. Для нее обычно предлагалась самостоятельная программа — детские учреждения, больницы, школы, музеи. Не обходили ее и корреспонденты. Задавали много острых вопросов, на которые она с достоинством отвечала. Но были и у нее неожиданности, заставлявшие изрядно поволноваться.

В Дели было предусмотрено посещение школы, где в нескольких классах преподавали русский язык. Но когда Людмила Сергеевна приехала, то увидела красивую и праздничную двухтысячную аудиторию. Конечно, она просто сначала растерялась... Говорили школьники, преподаватели. Ей пришлось выступить с ответным словом. Говорила Людмила Сергеевна о дружбе между нашими странами, о детях, о науке, которая может нас накормить, одеть и обуть, но может и уничтожить все живое на земле. Супруга одного из министров индийского Правительства, сопровождавшая ее, сказала мне потом, что в этом выступлении каждое слово было пропущено через сердце, что таких аплодисментов она давно не слыхала. Так что супруга может и помогать мужу, но может и навредить. Моя помогала.

Вернемся, однако, к основной теме главы. Экономический эксперимент, о котором я уже писал, внешнеэкономические вопросы не учитывал. Как было, так и было. Не созрели еще. Но уже в августе 86 года вышло подготовленное нами постановление ЦК и Совмина о совершенствовании внешнеэкономических связей.

Это был первый официальный документ, который посягал на традиционные принципы внешней торговли. В чем его смысл? Во-первых, он позволял сделать шаг к разрушению почти полной монополии Министерства внешней торговли на внешнеэкономическую деятельность: 20 министерств, а также около 60 крупных хозяйственных объединений, уже работающих на хозрасчете, получили право самостоятельно выходить на внешний рынок. Во-вторых, в Совете Министров создавалось подразделение, которое должно было вырабатывать общую политику в осуществлении внешнеэкономических связей и координировать деятельность тех ведомств, которые выход за рубеж уже имели.

Я имею в виду Министерство внешней торговли, Внешэкономбанк, Торговую палату, Интурист.

Во главе подразделения, названного Государственной внешнеэкономической комиссией, встал зампредсовмина Владимир Михайлович Каменцев. Будучи до этого министром рыбного хозяйства, он имел уже большой опыт зарубежной экономической деятельности. Замечу, что наши действия здесь заметно опережали общий ход экономической реформы: до принятия Закона о госпредприятии оставался целый год...

Говоря попросту, сделанный нами шаг превращал экспорт из нежелательного для предприятий в желательное и доходное дело. Валютная прибыль за вычетом государственного налога шла в карман предприятия, а значит, экспортная деятельность становилась ощутимо выгодной. Больше продал — больше получил, больше купил. Импорт необходимого оборудования тоже становился делом самого продавца, хозяина. Нужно привлечь зарубежную технику и технологию для модернизации линии, цеха, предприятия — покупай, коли заработал валюту. Хочешь помочь своим работникам товарами народного потребления — их сам и покупай, сам реализуй в коллективе. Сначала 10, а попозже 25 процентов валютной прибыли могли быть использованы именно на покупку этих товаров.

Кстати. К середине 90-го сложилось очень тяжелое положение с валютой. Иностранные банки, видя политические неурядицы в стране, перестали давать нам кредиты. Вот тогда-то мне стали со всех сторон советовать: заберите валюту у предприятий или «заморозьте» ее и используйте для общегосударственных целей. Я категорически отказался. Считал, что этот шаг ударит по реформе и доверие к Правительству будет потеряно. Так и не забрали. А в конце 91-го Правительство Гайдара, не задумываясь, этот шаг совершило, что стало одним из существенных факторов быстрого снижения объема выпуска продукции, а затем и остановки многих производств.

Ну, о нашей реформе, спустя два года, когда экспорт продукции для упомянутых 20 ведомств и 60 объединений стал делом жизненно необходимым, привычным и прибыльным, мы решили наделить правом внешней торговли всех умяющих и желающих торговать. Но торговать только своей продукцией, товарами, услугами. Категорически было запрещено создание посреднических структур. Во всяком деле есть, как известно, две стороны медали. И, принимая ка-

кое-либо решение, надо всегда думать не только о положительном его действии, но и о возможных, а то и неизбежных издержках. Так оно и получилось. Отмена в дальнейшем, уже в «новые» времена, этого положения без достаточно глубокой проработки привела к созданию бесчисленных посредников. Недавно сообщалось, что на 25 предприятий, производящих минеральные удобрения, было 180 посредников. Мы же понимали опасность подобного развития, перекоса в сторону посредников, ничего не производящих, но хорошо зарабатывающих на этих операциях. Поэтому было принято решение: крупные объединения, имеющие опыт внешнеэкономической деятельности, выходят на зарубежный рынок самостоятельно; средние и мелкие — через преобразованные внешнеэкономические объединения Министерства внешнеэкономических связей (МВЭС). Таких объединений было более двадцати. Новое министерство создавалось путем слияния двух ранее существовавших ведомств — Министерства внешней торговли (МВТ) и Государственного Комитета экономического сотрудничества (ГКЭС).

В марте 89-го ввели систему лицензирования товаров, значительно подняли роль таможи, определили льготы для прибрежной и приграничной торговли. Словом, к концу 90 года в стране получили право торговать с заграницей уже свыше 30 тысяч предприятий. Хотя, честно говоря, право-то они получили, но реально торговала едва ли половина: силенок пока было у них маловато.

С апреля 89-го начинало действовать правительственное решение о дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных организаций и предприятий. Была создана система регистрации желающих торговать, которую мы постарались сделать предельно простой.

Вспоминая сегодня наши тогдашние шаги, скажу, что видимая ошибка была одна: право на самостоятельное лицензирование получили около пятидесяти организаций. Много! Это неизбежно вело к плохой управляемости процессом вывоза, злоупотреблениям, к ущемлению прав республик, на территории которых находились запасы сырья или же предприятия, входившие в юрисдикцию Центра. Надо было создавать союзно-республиканский лицензионный комитет, который в своей политике учитывал бы интересы всех — и продавца, и государства, и территории. Мы над этим уже работали. Увы, не успели! Политика,

как известно, и лицензирование развела по территориальным интересам.

Решением Правительства был установлен перечень из 80 наименований продукции, которую можно было продавать за рубеж только по специальному разрешению-лицензии. Предоставляя большие права предприятиям во внешней торговле, мы давали себе ясный отчет, что, при огромной разнице между внутренними и международными ценами, наши стратегические материалы и продукция как насосом будут перекачиваться за рубеж. А ведь задачей Правительства было в максимальной степени активизировать свою, а не чужую экономику.

Введение во внешнеэкономическую жизнь лицензирования вызвало резкую критику, особенно в средствах массовой информации. Этот шаг демагогически расценивался как наступление на принципы открытости экономики. Все это, конечно, инспирировалось теми, кто, не считаясь с проблемами и задачами отечественной экономики, преследовал отраслевые, ведомственные или даже личные интересы. Доводы, что наша только что начавшая реформироваться экономика не может быть сейчас полностью открытой и что экономическая демократия, как и вообще демократия, это есть поле, лежащее между недозволенностью и вседозволенностью, — не принимались во внимание.

Исходя из политических, а точнее — политиканских интересов, наши оппоненты упорно закрывали глаза и на мировую внешнеэкономическую практику. Скажем, Общий рынок Европы, о котором я вполне положительно говорил в этой книге, имеет четко отработанную систему лицензий и квот. Там они нередко устанавливаются в результате «экономических войн» между государствами-членами ЕЭС с одной стороны и между прочими странами — с другой. Войны — винная, рыбная, овощная, металлическая — сменяют друг друга. Ну, а скажем, уничтожение выращенных фруктов в Испании с целью выполнения установленных квот является лишь одним из многочисленных примеров строгого контроля за их выполнением внутри самого Сообщества.

Когда я пишу эти строки, уже идет к закату 94 год. Указом Президента сняты все препоны для вывоза продукции и материалов за рубеж. Полагаю, что этот шаг явился сильнейшим толчком к вывозу за границу вообще всего, что физически поддается перемещению. И это будет происходить при катастрофическом спаде собственного произ-

водства. Наши же западные партнеры и не думают открывать свои экономические границы. Например, заполонили Запад наши торгаши алюминием, сбили цены, поставили на грань закрытия их алюминиевые заводы — тут же была установлена квота для России.

Снятие каких-либо тормозных механизмов и регуляторов с целью компенсировать катастрофическое падение производства товаров массового потребления и продуктов питания является крайне близорукой, однодневной политикой. Сегодня нас поят и кормят газ, нефть, лес, руда. Но при этом на «нефтедоллары», о которых так много и страстно говорили умолкнувшие почему-то ныне публицисты, сейчас не строят ни ВАЗ, ни КАМАЗ, ни большую химию, ни ткацкие и обувные фабрики. Природные богатства страны, наши стратегические материалы, превратившись во всяческие экзотические бутылки и «сникерсы», красуются сейчас в тысячах «комков».

Советский Союз имел 45 процентов мировых запасов газа, 13 процентов — нефти и т. д. США же располагают на своей территории лишь 3—4 процентами нефти и газа, хотя потребляют третью часть их мировой добычи. Даже современный ресурсный потенциал России в расчете на душу населения в 2—2,5 раза превышает потенциал США, в 6 раз — Германии, в 18—20 раз — Японии. Уникальные ресурсы Сибири и Дальнего Востока являются долговременным, стратегическим резервом нашей страны.

Анализ структуры внешнеэкономических связей, российского экспорта и импорта показывает, что Запад настойчиво толкает нашу страну на колониальный путь развития. При этом, естественно, автоматически происходит и структурная перестройка — только в направлении противоположном тому, которое декларируется. На словах речь идет о технологическом и организационном обновлении производства, а на деле отечественная промышленность да и сельское хозяйство хоронятся заживо, чтобы они никогда не составили конкуренции западным монополиям, ибо Россия нужна им лишь как сырьевая кладовая и огромный рынок для их товаров.

С каждым годом усиливается нужный Западу сырьевой характер нашего экспорта. В 1994 году поставки нефти только в дальнее зарубежье составят одну треть от добычи вместо одной пятой в Советском Союзе. Но это не волнует тех, кто в те времена именно на «нефтедолларах» сделал свою политическую карьеру, — они молчат. Впрочем, ска-

зять правду о сегодняшней ситуации — значит признать свои ошибки. Да и некогда заниматься разговорами: надо ведь успеть обогатиться за счет распродажи национального богатства, недр России еще больше, чтобы хватило не только внукам, но и праправнукам — жить безбедно если не в России, то хотя бы в другом благословенном краю.

Участников разгрома отечественной промышленности не волнует и то, что на долю топливно-энергетического комплекса приходится уже не 10, а 40 процентов от общего объема промышленного производства. Доля же машиностроения вот-вот уменьшится до 20 процентов, так как объем его производства в 95 году снизится по сравнению с 90-м в пять раз. По структуре производства сейчас мы находимся в положении Кувейта на начальной стадии его развития — без всяких перспектив выйти на его нынешний уровень благополучия. Как ни в какой другой сфере, произошла быстрая «импортизация» внутреннего рынка. Отечественное производство товаров массового спроса гибнет на глазах. По расчетам специалистов, в 95 году удельный вес импортных товаров народного потребления будет составлять 70—75 процентов. Примерно такое же положение складывается с отечественными и импортными продуктами питания.

Все это еще и еще раз подтверждает четко проводимую политику Запада, прежде всего США, в отношении России. И люди это чувствуют, даже не имея объективной информации от властей. В этой обстановке вполне естественно, что в российском обществе сформировались преобладающие негативные оценки целей США в отношении России. Социологический опрос показал, что более 40 процентов опрошенных считают: Штаты нацелены на корыстное использование российского сырья, примерно столько же — на ослабление нашего государства как великой державы и только около 7 процентов видят в усилиях Америки стремление построить у нас (!) и для нас (?) подлинно демократическое общество и содействовать его экономическому развитию.

Россия сейчас попала в разряд развивающихся стран, и поэтому ей нашими новыми «друзьями» уготована участь, о которой говорилось на конференции ООН по окружающей среде и развитию, прошедшей в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро. Примерьте разработанную там концепцию «устойчивого развития мира» к России — и вы придете к единственно верному выводу: реформам, отбросившим ее из числа ведущих стран в развивающиеся, не может, не должно быть места на нашей земле. Они, реформы, неиз-

бежны и необходимы, но только те, которые реально ведут к экономическому и социальному развитию, а не к упадку всего хозяйства страны, деградации народа и национальному унижению. Что же касается отношений с США и с Западом вообще, то мы можем согласиться иметь дело с ними только на равных и в политическом, и в экономическом отношениях.

На разграблении России наживаются не только страны «дальнего зарубежья», но и наши бывшие союзные республики, которые Союз десятилетиями, оказывается, «угнетал и разорял». И вот теперь, к примеру, Эстония за последние годы вдруг стала крупнейшим поставщиком цветных металлов на мировой рынок, не имея ни их месторождений, ни соответствующей металлургии. Что же касается «угнетения» и «разорения», то кому, как не мне, знать, какая огромная часть национального дохода страны, и в первую очередь создаваемого именно в России, «перекачивалась» ежегодно в другие союзные республики, без чего они и мечтать не могли бы об уровне развития, достигнутом за годы Советской власти!

Сейчас внутри России действуют не законы, а личные решения. По политическим, а может быть, и другим соображениям розданы внешнеэкономические льготы различным регионам и предприятиям. Казна недополучает сотни миллиардов, если не триллионов (инфляция ведь!) рублей дохода. Подчинение экономики политике вносит дезорганизацию и во внешнеэкономическую деятельность, порождает мафиозно-криминальные структуры у нас и недоверие иностранных партнеров к нам.

Лицензии и квоты, запреты и ограничения традиционно использовались Западом, особенно США, в качестве рычагов давления для решения, в конечном счете, политических задач. После ввода в 1979 году наших войск в Афганистан как из рога изобилия посыпались эмбарго. В частности, по инициативе Президента США Д. Картера оно было установлено на поставку газоперекачивающих агрегатов для строящихся газопроводов. Несколько заводов, в том числе Невский машиностроительный, в очень короткие сроки освоили их производство. И снова я спрашиваю себя: неужели нам надо иметь какие-то катаклизмы, чтобы быстро и эффективно справляться со своими проблемами? Или это все-таки были преимущества нашей плановой системы? А может быть, это, как я уже говорил, просто наша национальная черта — объединяться, забывая о распрях и всем дружно

биться с недугом, бороться с бедой? Надо полагать, все есть в этом феномене.

Говоря о внешнеэкономической деятельности, хотелось бы остановиться на таком специфическом вопросе, как торговля оружием. До 89—90 годов экспорт вооружения имел сугубо секретный характер, и только в последние годы эту проблему стали обсуждать на каждом углу, прежде всего — информационном.

Если что и было, и есть у нас конкурентоспособное на мировом рынке, кроме сырья, то это — оружие. Битый-перебитый со всех сторон, а нынче и вовсе разваливающийся военно-промышленный комплекс был прежде в народном хозяйстве приоритетным, особо опекаемым. И это естественно: Великая Отечественная война еще живет в памяти людской. Все у ВПК было лучшее — специалисты и рабочие, сырье и оборудование. Потому и продукция выходила сравнимая с общемировым уровнем, а то и превышающая его. Ее брали охотно. Только по соглашениям, на длительные сроки заключенным со странами СЭВ, а также некоторыми странами Азии и Африки, объем торговли в год составлял внушительную сумму. Можно было бы производить и продавать оружия и больше, можно было бы расширить круг стран, которые не отказались бы от наших танков, ракет, самолетов или автоматов Калашникова.

Но наступило время, когда на созданный ценой больших лишений людей военно-промышленный комплекс обрушился шквал критики со стороны своих же политиков и общественных деятелей. Критики за сам факт его существования. Они забыли, что в огромной мере именно благодаря ему прожили сами, вырастили детей и внуков в обстановке мира. И теперь вместо того, чтобы использовать созданный потенциал для решения назревших социальных вопросов, его огульно уничтожают и морально, и физически. Громят эту отрасль целенаправленно. Ведь если разрушать что-то, то нужно начинать с самого сильного и мощного. А слабое само умрет. Ярким примером такого наступления на ВПК и армию может служить выступление директора Института США и Канады АН СССР Г. А. Арбатова. Именно того института, который во многом предопределял наши политические, да и экономические отношения с Соединенными Штатами. Какой климат был в этих отношениях в 80-е годы, всем известно. Тем не менее этот академик на Втором съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 года, на мой взгляд, положил начало наступлению на военный сектор

страны, развязыванию во многом несобъективной критики и формированию негативного общественного мнения по вопросам продажи вооружения.

В результате появились многочисленные публикации, выступления, поверхностные и односторонние оценки, которые привели к негативным последствиям для национальных интересов государства. В руководстве страны тоже были люди, которые во имя поддержания уже сложившегося образа Горбачева как планетарного миротворца проводили эту же политику по отношению к торговле оружием. Говорилось, что, экспортируя оружие, Советский Союз создает тем самым напряженность в отдельных регионах земного шара и во всем мире. Утверждалось, что поэтому военно-промышленный комплекс не стремится к конверсии, переходу своих институтов, конструкторских бюро и заводов на выпуск гражданской продукции.

Западные державы и прежде всего США с большим удовлетворением следили за истязанием и уничтожением ведущего комплекса страны. На протяжении многих десятилетий они об этом могли только мечтать. Но, в отличие от нас, они никогда не принижали значимость своего производства современной военной продукции и ее экспорта. Их политическое руководство рассматривало экспорт вооружения как важнейший фактор сохранения военно-промышленного комплекса в условиях разоружения, как возможность при необходимости в очень короткое время увеличить производство вооружений. Даже исследовательская служба Конгресса США в начале 1993 года, в отличие от нашего депутата-академика, рекомендовала для сохранения мобилизационной готовности ВПК удвоить экспорт военной продукции.

Западные страны в этом деле не останавливаются ни перед чем. Официально объявляя эмбарго на поставку вооружения, они продолжают ее, несмотря ни на что. Принимается решение ООН об эмбарго на поставку оружия в республики бывшей Югославии — и Россия покорно его выполняет. Но оно мощным потоком идет туда из различных стран Запада и Востока. США совершенно бесцеремонно в начале мая 94 года принимают решение о снятии ограничений на его продажу Боснии и Герцеговине. Не боснийским сербам, конечно!

Можно было бы приводить десятки примеров подобного положения дел в торговле оружием. Но, думаю, общая картина ясна. В 1988 году доля СССР в мировой торговле

вооружением составляла 38 процентов, или 15 миллиардов долларов. Удельный вес в ней Соединенных Штатов составлял тогда 30 процентов. В 92 же году доля России снизилась до 5 (!) процентов, или до 2 миллиардов долларов, а США увеличилась до 60 (!) процентов. В этот же год, согласно Регистру ООН обычных вооружений, США, ФРГ, Франция и Великобритания экспортировали в общей сложности 1412 танков, 924 БМП (боевых машин пехоты), 200 боевых самолетов. Поставки за рубеж этих видов военной техники из России составили всего 7, 198 и 26 единиц соответственно. Только за 1987—1991 годы Соединенные Штаты продали оружия на 59 миллиардов долларов.

России надо навести порядок в своем производстве вооружения и его экспорте и не позволять всасть на себя в очередной раз ярлык «главного виновного за распространение оружия в мире». Не позволять грозить нам какими-либо санкциями из-за выгодного контракта на поставку российского вооружения. Не позволять больше «пятой колонне» заниматься разрушением и оплевыванием ВПК. Может быть, горький опыт конца перестроечных лет и «демократического» правления поможет в этом? Или и этот опыт не спасет от беды?

Торговля оружием — дело не простое. Но особенно трудно было вести ее с «друзьями». Это постоянно растущий долг за наши же поставки. Это бесчисленные переговоры, где просьбы об отсрочке платежей перемежались угрозами вообще не вернуть долги. Это настойчивое, чуть ли не молитвенное взывание к «чувству дружбы», которое у меня, прижимистого хозяйственника, появлялось далеко не ко всем. По большей части вообще не появлялось. Тем более что соображения экономической выгоды и политической целесообразности порой окрашивались и личными впечатлениями от собеседников. Одно только общение с вождем Ливийской Джамахирии Муаммаром Каддафи, картинно охраняемым затянутыми в кожу могучими девицами и с легкостью опаздывающим на встречу на полчаса, чего стоило. Или не без явной угрозы выпрашивающие отсрочку платежей и уменьшение процентной ставки иракцы, которым мы исправно поставляли оборонительное оружие во время их долгой войны с Ираном! Это они, кстати, чуть не втянули нас в международный скандал, когда после неожиданной ракетной атаки на Тегеран иранцы обнаружили остатки ракеты с советской маркировкой. Выходило, что мы продавали Ираку ракеты не оборонительные, а

дальнего действия... И надо было нашим специалистам слегка поломать головы, чтобы сообразить: кто-то хитрый посоветовал Ираку уменьшить вес зарядной части ракеты, увеличив таким образом объем топливных емкостей и, следовательно, дальность полета.

Долго можно вспоминать малоприятные ощущения, так часто возникавшие у меня во время переговоров по поставкам вооружения и их оплате. Хотя, конечно, ощущения ощущениями, но довольно весомая прибыль от такой торговли крайне нужна была стране.

Не успели стихнуть горячие дискуссии на Втором съезде народных депутатов, где уже явно столкнулись различные точки зрения на деятельность военно-промышленного комплекса, на большее разнообразие форм собственности, на позицию Правительства по направлениям и срокам проведения реформ, как в обществе взорвался «АНТ». В нем переплелись в то время все эти проблемы. Этот «взрыв» был выгоден и тем, кто хотел дискредитировать новые пути хозяйствования, и тем, кто хотел нанести удар по Правительству, и тем, кто стремился подорвать наш экспорт вооружения, а значит — и экономический, и политический вес страны в мире.

Но сначала о том, как он «взорвался».

В конце декабря 1989 года в Москву пришла шифрограмма от первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС Ивана Кузьмича Полозкова, который сообщал о том, что в Новороссийском порту стоят, готовые к отправке за рубеж, двенадцать боевых танков. По документам значилось, что они принадлежат государственно-кооперативному концерну АНТ. Действительно ЧП! В нашей стране до сих пор не только танк или самолет — ни один патрон не мог быть переправлен через границу без соответствующего разрешения Правительства. А тут — двенадцать современных танков! Было из-за чего забить в колокола. Через несколько дней Полозков прислал вторую шифровку — в куда более крутых выражениях. Спустя еще дня два в газете «Советская Россия» появилась громкая статья «Спрут под семафором», в которой корреспондент, раньше всех прибывший в Новороссийск и получивший все возможные и невозможные документы о деятельности концерна, описывал неудавшуюся попытку контрабанды оружия. Позже об этой попытке зашумел и депутатский корпус.

Я очень коротко напомнил о самом факте, который обрел характер громкого и, на мой взгляд, запланированного скан-

дала, лишь затем, чтобы подробно, спокойно, с позиции дня сегодняшнего объяснить читателям, что же произошло в действительности.

Об АНТе я услышал от моего заместителя В. М. Каменцева еще в январе 89-го. Он увлеченно рассказал мне о кооперативном объединении, которое готово было взять на себя продажу за границу промышленных отходов, а взамен приобретать там товары народного потребления. Речь шла о чистом бартере — без всякого присутствия денег. Масштабы предлагались такие, которые и вправду могли хоть и немного, но явственно поправить ситуацию с товарами для населения.

Не секрет, что ни одна государственная структура не в состоянии охватить пристальным вниманием все, как говорится, закоулки народного хозяйства: на каком заводе какие отходы копились, залеживались неиспользованные материалы, неликвиды... Кооператоры же хотели и могли это прочесать частым гребнем. Увы, но бесхозяйственность наша велика, и не сегодня, даже не вчера она родилась, и всегда больно ударяла по экономике. Так вот, АНТ брался отыскать и реализовать по бартеру все это добро.

Мне идея понравилась. Я и по уралмашевской моей жизни знал: у любого большого или малого производственного всегда есть то, что в дело не пошло и, не исключено, никогда не пойдет. Мы ведь, хозяйственники, как белки: давай, запасайся на всякий случай.

Соглашаясь на подробную проработку вопроса, я потребовал от Каменцева соблюдения двух условий. Первое: выгода выгодой, но в организации должны работать люди честные и порядочные. Если Совет Министров даст разрешение на создание концерна, значит ему, Совету Министров, и нести за него ответственность. Второе условие — чтобы полностью сходились суммы продаж и закупок, то есть чтобы не возникало задолженности иностранным партнерам, иначе расплачиваться за нее придется государству.

Насколько я знаю, проверяли не только сам концерн, но и его иностранных партнеров. Тогда-то и был подключен Шестой сектор Экономического отдела Управления делами Совета Министров СССР.

Шестой сектор был образован в 86 году для проведения независимых и оперативных экспертиз наиболее важных или спорных предложений министерств и ведомств. Для поиска в потоке почты, приходящей в Совмин, действительно реальных, полезных и перспективных для державы

проектов. Иными словами — этаким экспертный мозговой центр. Комплектовался он из бывших сотрудников тоже Шестого и тоже Экономического управления КГБ. Там работали весьма неплохие экономисты, плюс к тому, в отличие от гражданских спецов, незашоренные, умеющие смотреть и видеть. К слову должен сказать, что сектор этот в Совмине работал с пользой, находил и предлагал для рассмотрения действительно интересные идеи. Он давал объективную оценку получаемой Правительством информации по важнейшим экономическим вопросам.

В конце марта 89-го Каменцев официально доложил, что проверка закончена, что в АНТе работают деловые и серьезные люди, что их отношения с зарубежными партнерами позволяют рассчитывать на успех. И еще одно добавил: что КГБ готов оказывать АНТу всемерную помощь.

— Это как? — впервые насторожился я. — Если они собираются использовать АНТ для своих целей, то пусть сами с ним и работают. Без Совета Министров.

— Ни в коем случае, — запротестовал Каменцев. — Даже речи об использовании АНТа не ведется. Только — помощь.

В принципе кое-какие сомнения у меня, правда, остались. Я и без подтверждения со стороны своего заместителя понимал, что раз Шестой сектор был подключен к разработке идеи АНТа, то, естественно, КГБ был в курсе этого дела. Но, в конце концов, это — их работа, они за нее зарплату получают. Но я и знать не знал, что глава АНТа В. Ряшенцев тоже оттуда пришел.

Подчеркну: не знал. А сейчас спрашиваю себя: а если бы знал? Даже не подумал бы тогда подписывать распоряжение Совмина о создании АНТа? Вряд ли: ведь прошлая принадлежность людей к КГБ никакого отношения к делу не имеет. Как она, к примеру, влияет на их работоспособность? На их оперативность и сообразительность? На другие деловые качества? На честность, наконец? Жуликов-то везде хватает, а в КГБ их, кстати, всегда было меньше, чем в иных гражданских структурах. Нет, в деловых качествах, в работоспособности бывших сотрудников КГБ я не сомневался. Шестой сектор, повторяю, полезно действовал...

Впрочем, сейчас, глядя на ситуацию с немалого уже временного расстояния, легко рассуждать, кто прав, а кто не очень. А тогда я, искренне веря своему заместителю по внешнеэкономическим вопросам, исходил из перспективности создаваемой государственно-кооперативной структуры.

Никого из АНТа, включая Ряшенцева, я никогда в глаза не видал, надобности в том не возникало. Сама же эта структура выглядела весьма перспективно, и был прямой смысл попробовать ее создать. Она вписывалась в наши внешнеэкономические реформы. Мы приняли соответствующее решение, и вскоре Каменцев стал ряд конкретных заданий реализовывать через АНТ. Ну, например, поручили ему закупить партии одноразовых шприцев и технологические линии для их производства.

Однако к концу лета 89 года мне достоверно сообщили, что руководство АНТа щедро одаривает двух сотрудников аппарата Внешнеэкономической комиссии и Шестого сектора. Я немедленно рассказал об этом лично Председателю КГБ СССР Владимиру Александровичу Крючкову и попросил тщательно проверить деятельность сотрудников Шестого сектора и работников АНТа. Председатель КГБ Председателю Совмина, как я упоминал, подчинялся достаточно формально, но отказать мне в подобном деле он не мог. И не отказал. Проверил. И сообщил устно, что услышанное мною — просто навет.

Но вот осенью 91-го во время следствия по делу АНТа я познакомился с некоторыми документами, которые давали основание думать о небезупречности руководства этой организации.

Я не делаю никаких заключений. Не будучи ни следователем, ни юристом, я лишь излагаю факты в том виде, в каком они стали мне известны. Тогда я не знал даже, что АНТ, как опять-таки выяснилось намного позже, еще летом 89-го всерьез интересовался возможностью продажи за рубеж оружия. Выходил с официальными письмами в Генштаб и какие-то войсковые части, и во всех этих местах, замечу, такие письма не рвали и не выбрасывали с негодованием. Более того, оказалось, и это ломает все мои представления об элементарной человеческой нравственности, что те руководители Министерства авиационной промышленности, которым было поручено подготовить и утвердить устав АНТа, внесли в него такую хитрую, двусмысленную формулировку, которая позволяла ему осуществлять и экспортно-импортные операции со средствами вооружения. Уж они-то, опытом и дисциплиной умудренные, претотлично знали, что торговля оружием разрешается только Правительством и только за подписью его главы.

Таким образом, в каких-то моментах деятельности АНТ соблюдал существовавший тогда порядок, а в каких-то,

прикрываясь фиговым листочком своего устава, пытался все же присвоить себе одну из прерогатив государства, занявшись торговлей оружием.

В общем, как только появились первые сомнения в этом деле, я немедленно поручил — уже не Каменцеву, а другому моему заместителю, Степану Арамаисовичу Ситаряну — разобраться с возникшей ситуацией, потом и сам занялся ею, а в итоге созвал Президиум Совмина, пригласил на него всех, кто имел то или иное отношение к АНТу и к афере с танками. Вот тогда-то я впервые и узнал о «нелегальном» пункте в уставе концерна, позволяющем торговать вооружением, и услышал умильную по своей наивности версию, что АНТ покупал тягачи, а ему, дескать, продали танки...

Конечно, Президиум сделал привычные административно-служебные выводы. Как говорится, виновные понесли наказание.

Сейчас мне многие говорят: зачем, мол, вы сорвались на Третьем съезде народных депутатов, зачем не сдержались, зачем пошли отвечать на явно провокационную реплику-выступление по делу АНТа небезызвестного юриста, который, кстати, походя пытался обвинить Правительство Рыжкова в какой-то коррупции. Нет, не жалею я об этом срыве. И сегодня готов подписаться под тогдашними своими словами: «Или дайте нам возможность работать, или мы подадим в отставку... Посмотрите, что делается в стране?.. Я убежден, что никакой сильный Президент, никакой сильный президентский кабинет не будет работать, если не будут работать еще две составные: это исполнительная власть — сильное Правительство... и, конечно, — судебная власть. Поэтому, если нам нужно Правительство, причем сильное правительство, то надо его поддерживать».

Никогда прежде, никогда после не слыхал я в свой адрес столь бурных аплодисментов...

Так я говорил, так думал. Так думаю и теперь. Единственное, что болезненно зацепило тогда, — поведение Горбачева. Он председательствовал на том Съезде, который затем избрал его Президентом. По сути, он уже подвел итог очередному вопросу, и вдруг — слово Собчаку для справки? Зачем? Какой в том умысел? Ведь Горбачев знал, о чем тот станет говорить. Как сам Горбачев потом сказал, еще накануне просил его о возможности повторно выступить. Я не будущего мора виню, Собчак — он Собчак и есть. Не могу понять тайные мотивы, которые двигали в ту

минуту нашим лидером. Кстати, я ведь свое выступление с этого непонимания и начал. Горбачеву его адресовал. Он, оказывается, обиделся на меня. Спросил сердито после заседания:

— Ты почему обостряешь наши с тобой отношения?

Честно говоря, я опешил.

— Что я обостряю? Какие отношения? Побойтесь Бога, Михаил Сергеевич! У вас сколько людей для выступления записалось? Десятки? И десятки не выступают, не успеют, так? И из всех них вы даете повторное слово одному Собчаку. Почему? Или он что-то наиважнейшее сказал, без чего Съезд не обошелся бы?

— Он попросил слово для справки, — попытался отговориться Горбачев. — По выступлению Полозкова...

— Еще одно самое главное выступление! — усмехнулся я. — А если у других желающих тоже кое-какие слова имелись? Также для справки — только по другим выступлениям... Нет, Михаил Сергеевич, у вас иные причины были. И мы оба знаем — какие...

Подводя под нашумевшим делом АНТа черту, хочу высказать мнение, сформировавшееся за прошедшие с тех пор годы. Заказная была эта «бомба». И заказали ее те, кто уже тогда подбирался к рычагам власти, кто боролся с Правительством Рыжкова, кто хотел дискредитировать страну в глазах мировой общественности с помощью скандала в такой деликатной сфере, как торговля оружием. И она, эта история, тоже помогла опуститься стране на уровень пятипроцентной доли в мировой торговле оружием, о чем я говорил выше.

Несмотря на эту и другие, более мелкие, постоянные «войны» по вопросам внешнеторговой деятельности, процесс реформирования этой сферы продолжался. А начался он, по существу, с первых лет перестройки. Вспомним хотя бы постановление Совета Министров о совместных предприятиях, принятое еще в январе 87-го. Это был шаг, полезный нашей экономике, выгодный для нее. Сейчас же, в ходе приватизации по Чубайсу, иностранным предпринимателям нет необходимости создавать совместные предприятия: проще за бесценок скупить целые отрасли народного хозяйства.

Или таможня, выведенная нами в 86-м в самостоятельное плавание из-под руки Министерства внешней торговли. После этого она стала не просто «пускать — не пускать», а зарабатывать деньги государству. К тому же постановление Совмина по таможенной службе, принятое в апреле 90-го,

в правовом отношении уравнивало наших таможенников с их западными коллегами.

В этой главе я последовательно изложил вопросы внешнеэкономической деятельности, наши шаги по ее реформированию — не скрыв ни трудностей, ни издержек. Наиболее тяжелым во внешнеэкономической деятельности моего Правительства, да и не только во внешней, был 90 год. Страна становилась неуправляемой. Плановые основы экономики сознательно и стремительно разрушались, новые не были созданы. Да и не могли, естественно, быть созданы за считанные месяцы и даже за пресловутые 500 дней.

Правительство в этой сложнейшей политической и экономической ситуации искало выход для предотвращения остановки заводов и фабрик. Особенно это касалось производств, в большей степени зависящих от импорта. Поставки стран—членов СЭВ из-за происшедших там «бархатных революций», а по существу, с исторической точки зрения, контрреволюций, и быстрого разрушения плановой системы резко сокращались. Их пытались компенсировать поставками с западных рынков. А для этого, снова же, нужна была валюта.

В 90 году импорт опередил экспорт. И тем не менее за пять лет моего премьерства (85—90 годы) положительное сальдо во внешнеэкономической деятельности — превышение импорта над экспортом — составило несколько миллионов долларов. Но все же негативные процессы нарастали. Политическая неразбериха, ее давление на экономику привели, в частности, к тому, что мы стали терять доброе имя самого надежного в мире торгового партнера. Зарубежные банки и финансовые компании резко ограничили предоставление нам кредитов. Из-за экономических и политических потрясений 91 года, уже после моей отставки, произошло максимальное снижение импорта за послевоенные годы — на 46 процентов.

Сейчас нынешние руководители большим достижением во внешней торговле считают положительное сальдо. Как экономист, я только приветствую это. Примером может служить Япония или Тайвань, где накоплены запасы валюты в размере 80 миллиардов долларов. Но это происходит при нормальном развитии экономики, при ежегодном росте производства.

За три года проведения «шоковой терапии» объем производства у нас в стране снизился вдвое. И это на фоне

увеличения экспорта и снижения импорта. Думаю, правильное было бы увеличить импорт в разумных пределах, но обеспечив поступление сырья и материалов, дав работу, например, десяткам ткацких фабрик Ивановской области. Подобное положение я объясняю не отсутствием знаний у нынешних руководителей, а невозможностью для них взять в руки и обуздать внешнеэкономическую стихию, коррупционеров всех уровней. Свое, отечественное производство губится целенаправленно. Нам же уготована иная роль в мировой экономике — жалкая роль поставщика нещадно разграбляемых природных ресурсов России. Так вывоз нефти при снижении вдвое ее производства за эти годы постоянно расширяется. Например, только в 93 году он увеличился с 66 до 80 миллионов тонн. Мы попадаем, как сырьевой придаток, в вечную зависимость от развитых стран Запада.

Конечно, подобные перекосы в экономике не являются случайностью. Все дело — в быстро возрастающей всесторонней зависимости России от Запада. А он столетиями создавал дополнительные источники для своего существования и обогащения. Когда-то это были колонии, теперь — страны «третьего мира». По западной классификации, как я уже упоминал в этой главе, наша страна числится именно по этому разряду. Да, сегодня так оно и есть: народное хозяйство России и других бывших республик СССР, ныне суверенных государств, находится в полуразрушенном состоянии, и здесь создается экономика, обеспечивающая, прежде всего, сырьевые и энергетические интересы Запада.

Исходя из них, капитальные вложения развитых стран в народное хозяйство России будут в первую очередь направляться в ее топливно-энергетический комплекс, а также экологически неблагоприятные отрасли. Все это будет и дальше деформировать структуру нашей экономики в выгодном для Запада направлении и консервировать или усугублять отсталость определенных ее секторов.

Сейчас в мире формируется три центра экономической власти: США, Объединенная Европа и Тихоокеанский регион. Отношения между ними будут весьма сложными. Неизбежны противоречия и конфронтация, но неизбежна и растущая кооперация — таково веление времени и внутренней логики развития. Россия занимает в этом треугольнике особое место — геополитически она связывает его в единое целое. И это могло бы и должно стать одним из важных источников ее экономического благополучия.

Но так будет лишь в том случае, если Россия осознает свои огромные потенциальные возможности в новых исторических условиях, преодолеет комплекс неполноценности и безнадежности, в который она ввергнута в последние годы политиками. У нас есть все, чтобы не скатиться окончательно на положение дойной коровы для развитых стран, а стать полноправным партнером в системе мировой экономики.